

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 81 '23

Н. С. Евчик

Минск, Беларусь

АНОМАЛИЯ В ЯЗЫКЕ, ГАРМОНИЯ В РЕЧИ: КАУЗАЛЬНОСТЬ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В ИНОЯЗЫЧНОМ СОЗНАНИИ ИНДИВИДА

В статье с позиций нейропсихофизиологии речи дается толкование неравнозначности процесса активации у говорящего высших фонологических обобщений перцептивной базы иностранного языка в таких условиях, как озвучивание текста иного автора и продуцирование собственной устной речи. Результаты, достигаемые при этом, свидетельствуют о возможности одновременного существования в иноязычном сознании индивида аномалии в языке и гармонии в речи.

Ключевые слова: речевая функциональная система; перцептивная база иностранного языка; первичные, вторичные, третичные зоны мозга; акустический, артикуляторный и буквенно-графический коды языка; ритмико-мелодические обобщения; артикуляторное программирование.

N. S. Evchyk

Minsk, Belarus

ANOMALY IN LANGUAGE, HARMONY IN SPEECH: THE CAUSALITY OF CO-EXISTENCE IN THE FOREIGN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF AN INDIVIDUAL

In terms of neuropsychophysiology of speech, the article represents an interpretation of non-equivalence in activation of the speaker's highest phonological generalizations as constituents of a foreign language perceptual base when voicing a text of another author or producing one's own oral speech. The results obtained testify to the possibility of simultaneous existence of anomaly in language and harmony in speech in the foreign language consciousness of an individual.

Key words: speech functional system; foreign language perceptual base; primary, secondary, tertiary brain zones; acoustic, articulatory and letter-graphic language codes; rhythmic-melodic generalizations; articulatory programming.

Дорогая нашим воспоминаниям профессор Альбина Николаевна Степанова любила работать над загадками и тайнами грамматики французского языка. Все мы знаем, что среди многих поднимаемых ею вопросов излюбленной ее темой был «Артикль». Сквозь это маленькое служебное слово и его формы, которые употребляются перед существительными и не имеют самостоятельного значения, она ощущала целый мир *Homo loquens* – Человека Говорящего.

А чтобы увидеть этот мир и убедительно раскрыть его для других, Альбина Николаевна постоянно размышляла на эту тему про себя и вслух. Она готовила публикации, вела научный семинар с молодыми и уже

состоявшимися исследователями, в том числе и защитившимися под ее научным руководством, формулировала темы для новых диссертаций. И даже докторской.

Венцом ее зрелого научного творчества стала изданная относительно недавно монография, посвященная его величеству Артиклю. Любящие и ценящие ученики в последние годы активно участвовали в ее регулярном научном семинаре и, как я полагаю, оттуда и извлечена проблема-загадка, которую оставила нам для обсуждения сегодня Альбина Николаевна и которая фигурирует как антиномичное название нашего Международного Круглого стола: «Аномалия в языке, гармония в речи».

Читая или произнося это название, ощущаешь ситуацию, в которой противоречащие друг другу части высказывания практически об одном и том же объекте имеют логически равноправное существование. Их истинность или ложность нельзя обосновать в рамках принятой парадигмы, поскольку очевидно, что в названии заложена лингвистическая игра противоречий.

Что я имею в виду?

– Понимая язык как систему, ожидаешь характеристики его как гармоничного образования.

– Зная о вариативности речи, понимаешь, что ей в большей степени свойственны аномальные явления.

Однако в формулировке обсуждаемой темы все как раз не так, а наоборот. Следовательно, открывается новое поле для работы.

Чтобы вписаться в это проблемное поле, я обдумывала выражения из формулировки данной темы с позиций нового осмысления своих собственных исследований языка и речи, сделанных в разные периоды времени. И мои рассуждения уже в который раз привели меня к признанию двух одинаково верных положений, сформулированных Альбиной Николаевной в теме нашего Круглого стола.

Как видно из названия моего доклада, я задалась вопросом о том, может ли в языковом сознании индивида одновременно существовать, то есть сосуществовать и аномалия языка, и гармония речи?

Мой ответ пришел достаточно быстро, и он был положительным. Затем захотелось обосновать каузальность данного факта. В нескольких словах мне это было ясно сразу из своих теоретических убеждений. Однако с учетом ранее разработанной теории для логичного и четкого изложения нужных позиций вслух потребовалось их использовать выборочно, а это значит выстраивать их в иную последовательность. При этом возникали новые, ранее не наблюдаемые мной обобщения.

Следует обратить внимание на то, что в целом разработанная наша теория формирования перцептивной базы языка является не чисто лингвистической, а с учетом возникшей сложности проблемы потребовала в свое время междисциплинарного подхода, и поэтому разработана она с учетом высшей нервной деятельности и системного строения психических функций человека. Именно благодаря тому, что она построена с учетом знаний по

нейропсихофизиологии речи, к ней и следует обращаться, чтобы получить ответ на поставленный вопрос. Ведь известно, что одной из высших психических функций человека является его речь.

Описываю лингвистическую ситуацию, которая послужила исходной для разработки данной темы в предложенном ракурсе.

Иностранные студенты французской национальности изучают русский язык в Минске, в нашем университете.

Их 9 человек и лингвистический возраст у них разный: от одного года до трех лет. Я осуществляю запись их речи в анахоической комнате нашей исследовательской Лаборатории на кафедре экспериментальной фонетики. Перед испытуемыми стоят две задачи: 1) прочитать рассказ Л. Н. Толстого «Косточка» (250 слогов) или В. Драгунского «Денискины рассказы» (119 слогов) и 2) спонтанно поговорить, рассказав о себе, о своей жизни в Минске, в Беларуси.

Тексты, предложенные для чтения, простые. Привожу несколько строк экспериментального материала № 1:

Косточка

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу...

Таким же несложным был текст экспериментального материала № 2:

Денискины рассказы

Однажды вечером я сидел во дворе возле песка и ждал маму. Она, наверное, задерживалась в институте или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам. И уже, наверное, пили чай с бубликами и брынзой. А моей мамы все еще не было...

По завершении цифровой записи речи результат получаю у всех практически одинаковый: в рассказе о себе речь звучит уверенно, свободно, можно сказать «льется рекой». Чтение, напротив, оставляет желать лучшего, поскольку в нем есть множество погрешностей, отклонений от произносительной нормы русского языка.

Для того, чтобы провести обоснованное объяснение причинности данного факта, рассмотрим несколько теоретических положений из вышеназванной авторской теории формирования перцептивной базы языка с толкованием ряда нужных для этого терминов [1].

Используя заимствованный из физиологии речи термин *речевая функциональная система*, необходимый в данном случае для лингвистики, дадим ему толкование с опорой на понятие *функция*.

Под *функцией* понимается сложный результат работы целой системы, иногда – всего организма по передаче его отношений с окружающей средой и обеспечению ему приспособительного эффекта. В этом значении понятие *функция* перекликается с понятием *назначение, роль* применительно к биологическим функциям дыхания, кровообращения, пищеварения, локомоторной функции. В таком же смысле говорят о функции общения с помощью речи, а также об известных интеллектуальных функциях.

Такое понимание термина позволяет рассматривать речь как прижизненно формирующуюся функцию. Продукт сложного развития, вначале разделенная между двумя людьми и носящая развернутую форму, при усвоении общечеловеческого опыта, постепенно свертываясь, она приобретает черты внутреннего акта, свойственного каждому отдельному человеку. Процесс разворачивания и свертывания речи осуществляется в рамках речевой функциональной системы, которая представляет собой суперсистему, состоящую из субсистем, включенных в два противопоставленных и одновременно взаимосвязанных звена – речевосприятия и речепроизводства – с центральным представительством в коре головного мозга. Звено речевосприятия включает слуховую, зрительную и тактильную функциональные системы, звено речепроизводства – энергетическую (дыхательную), генераторную (голосовую) и резонаторную (носоглоточно-ротовую). Благодаря речевосприятию речепроизводящее звено включается в работу, создавая сенсомоторные схемы, информация о которых обрабатывается и регистрируется в памяти в виде кодов.

В работе речевой функциональной системы на первый план выступает динамическая мобилизуемость составляющих, направленная на переработку лингвистической информации, завершающуюся ее пониманием. В звене речевосприятия (гнозиса) результат состоит в образовании сенсорно-перцептивных кодов слуховой, зрительной и тактильной модальностей. В звене речепроизводства (праксиса) его достижение выражается через систему двигательно-артикуляционных кодов, вырабатываемых с опорой на эталоны смысловых единиц языка.

В процессе постоянной устной коммуникации в развивающейся речевой функциональной системе образуются межфункциональные сенсорные структуры и сложноразветвленные цепи, генетическим началом которых становятся тактильно-двигательные функции, а их всеобщим эффектом – тактильно-слухо-зрительное восприятие. Благодаря интегративной деятельности мозга коды данного сенсорно-перцептивного комплекса приобретают амодальностный характер, свойственный высшим абстрактно-символическим образованиям, с общим результатом в виде перцептивной базы языка.

На этом основании перцептивную базу языка правомерно рассматривать как итоговый результат деятельности речевой функциональной системы.

Значимость перцептивной базы языка состоит в том, что она тесно связана с понятием «языковое сознание» [2], имеющим широкое референтное поле, включающее две разновидности: а) динамическую – выражение

состояния сознания в вербальной форме, воздействие на сознание с помощью речи, и б) структурную, образуемую языковыми структурами, формирующимися в результате ментального опыта субъекта, действия его сознания.

Аналогично точным в плане лингвистичности содержания выступает понятие «языковое мышление», которое было введено в отечественную лингвистику на заре фонологии и использовано в терминах *русское языковое мышление, японское языковое мышление* и т.д. В более общем смысле оно означает *индивидуальное языковое мышление* «элементарные фонологические представления, ассоциирующиеся у индивида с актами восприятия слышимой речи» [3, с. 236–237, 252].

В концепции языкового сознания выделяют понятие иноязычного сознания, имеющего следующее толкование:

- формируется оно под непосредственным влиянием изучения иностранного языка на содержание сознания субъекта;
- в обучении иностранному языку необходимо заботиться о согласовании в индивидуальном сознании двух смысловых контекстов – родного и иноязычного, поскольку речь идет о формировании билингвального сознания;
- в билингвальном сознании сосуществуют в определенных взаимоотношениях две языковые картины мира [4, с. 80];
- эти картины мира определяются как гибридная структура, представленная интегрированным единством в сознании субъекта.

При всей значимости изложенных концептуальных понятий важно обратить внимание на то, что в их формулировках речь идет об уже сформированной языковой перцептивной базе. В нашем случае для анализа поставленной проблемы необходим несколько иной ракурс: взгляд на иноязычное сознание, находящееся в процессе своего становления, которое происходит через перцептивную базу языка.

Сама перцептивная база языка, являясь итоговым результатом работы речевой функциональной системы человека, устроена по принципу триады: трехступенчатой ритмичности, трехуровневости – особого типа связи между процессом, состоянием и свойством во внутренней языковой жизни индивида.

Перцептивная база языка представляет собой когнитивную реальность в виде сформированной в памяти индивида системы эталонов фонетических единиц: фонологических обобщений ритмико-мелодических, слоговых структур, фонем – и правил сличения с ними. С позиций нейропсихологии речи формирование перцептивной базы носит уровневый характер, обусловленный зональным строением мозга, и проявляется в иерархических этапах фонологического развития индивида: доречевом, речевом и собственно языковом.

И поэтому толкование перцептивной базы языка с позиций теории речевой функциональной системы позволяет рассматривать эту базу как представленную прежде всего эталонами доречевого и речевого гностико-праксического уровня вторичных ассоциационных зон мозга: сенсорно-

артикуляционными фонологическими обобщениями единиц речевого (слухового, зрительного и тактильно-кинестетического) гнозиса, проявляющимися при их идентификации, (отождествлении). Под *идентификацией*, в основе которой лежат операции *сличения* в акцепторе действия речевой функциональной системы, понимается процесс взаимодействия эталона, хранящегося в памяти, и воспринимаемых единиц, в результате чего выясняется их соответствие или несоответствие друг другу. Наличие соответствия проверяется репродуцированием услышанных звуковых последовательностей. При усвоении родного языка и обучении языку иностранному это означает сформированность речевого слуха на гностико-праксическом уровне вторичных ассоциационных зон, что отражает соответствующую стадию в становлении перцептивной базы языка.

Формирование перцептивной базы языка продолжается на уровне третичных мозговых зон, где разворачиваются высшие фонологические обобщения речевой системы, благодаря чему осмысливается и распознается звучащая речь. Понимание (распознавание) обязательно предполагает идентификацию, но не сводится к ней. Оно включает также категоризацию через сличение воспринятого элемента с классом уже накопленных единиц и извлечение соответствующего эталона из памяти.

Таким образом, в качестве эталонов фонетических единиц выступают высшие фонологические обобщения, формирующиеся в языковом мышлении/сознании индивида. Смысл этого формирования состоит в том, чтобы в процессе освоения языка из разных видов физической субстанции: акустической, визуальной, тактильной, доступной прямому наблюдению как фонические, графические и имеющие определенную форму и структуру объекты, вычленив в чистом виде ненаблюдаемые лингвистические (семиотические) единицы и ценности его фонологического аспекта и привести их в системные отношения в языковом сознании индивида.

Операции распознавания речи иерархичны и проходят через вышеназванную тройную сегментацию сигналов на единицы, на базе которых выполняются фонологические обобщения: 1) типичные *ритмико-мелодические структуры* смысловых единиц речи, 2) *слоги*, входящие в ритмико-мелодические структуры, и 3) *фонемы* – составляющие элементы слогов. В процессе усвоения языка, являясь компонентами смысловых единиц, эти эталоны звучащей речи, становясь элементами акцептора результатов действия, составляют опорные точки в прогнозируемых результатах понимания. Благодаря обратной афферентации – слуховому самоконтролю с ними последовательно сличается выполненная артикуляция до тех пор, пока не достигается соответствие одному из запрогнозированных результатов. Точность артикуляторного программирования прямо пропорционально соотносится с результатом понимания смысла и адекватностью получаемых для озвучивания этого смысла фонологических обобщений осваиваемого языка.

Базовыми сенсорно-артикуляторными единицами, через которые физически реализуются семантические единицы языка, являются слоги – минимальные просодические единицы. Среди них особое место в фонологической

обработке речи занимают открытые слоги типа СГ (согласный + гласный) или Г (гласный). Процедура фонологической обработки речи связана с тем, что именно в открытом слоге, на его переходных участках, где наиболее значимым является начало перехода от С к Г, содержится информация как о гласных, полугласных, так и о согласных звуках. Важным фактором для фонологической обработки речи является то, что слоги, упорядоченные в смысловые единицы звучащей речи, являются одновременно носителями просодических признаков, в том числе и инвариантных ритмико-мелодических структур, благодаря чему в естественной языковой среде фонологические обобщения выполняются в них спонтанно. Гармония в речи достигается через слоговые просодии, которые создаются благодаря блокам артикуляторного программирования собственной речи.

Однако такого программирования нет при чтении, поскольку каждый графический знак передается отдельным звуком речи. Графическими знаками при чтении являются буквы и при этом язык выступает в форме не акустического кода, полностью готового для его трансформации в артикуляторный, а в форме кода буквенно-графического, который для актуализации звучания требует еще дополнительного этапа перекодирования в артикулемы без наличия в нем соответствующих артикуляторных программ.

Именно в отсутствии этих нормативных программ и проявляется аномалия языка. По существу, язык на уровне своих третичных символических зон оказывается закрытым для передачи символических обобщений, уже имеющихся в индивидуальной перцептивной базе осваиваемого языка, в данном случае – с целью реализации нормативных артикуляторных программ русского языка и поэтому их активизация у индивида происходит в виде деформированных структур ритмико-мелодических единиц, искажающих смысл читаемого текста.

Фактически психофизическая деятельность индивида по производству артикуляторных программ, оказываясь в центре внимания, заполняет ведущий уровень, каковым в данном случае выступает не высший языковой, а более низкий по своей организации – гностико-праксический, где алгоритм лингвистических действий выглядит упрощенным: вижу иноязычный буквенный знак – декодирую его – воспроизвожу соответствующий звук. Это перекодирование лишает индивида осмысления читаемого текста, а значит, он не в состоянии выделить необходимые для этого ритмико-мелодические единицы: внимание, занятое перекодированием из буквенно-графического кода в артикуляторный, не позволяет включаться смысловому уровню в качестве ведущего, который является все это время только фоновым. Очевидно, что его место занято расшифровкой буквенно-графического кода, и образы, которые могли бы соответствовать содержанию, не возникают в репрезентациях читающего.

Иная картина, полная гармонии, наблюдается при реализации собственной иноязычной речи. Гармония речи обусловлена прямой связью языковых эталонов, сформированных в акустическом коде, с кодом артикуляторным, полностью сопряженных для своей реализации. И поскольку этап дополнительного перекодирования в собственной речи не требуется, внимание гово-

рящего через возникающие репрезентации образов сосредоточено на ее содержательной стороне. Это означает, что смысловой уровень выступает истинно ведущим на уровне включенных в данном случае в работу языковых символических зон. В таких условиях артикуляция порождает соответствующие образам гармоничные артикуляторные программы, которые согласуются с фонологическими эталонами ритмико-мелодических обобщений, уже созданными и хранящимися у индивида в его языковой перцептивной базе.

Таковы каузальные детали механизма, ведущего к проявлению одновременного существования в иноязычном сознании индивида аномалии в языке и гармонии в речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евчик Н. С. Перцептивная база языка при норме и патологии слуха. Минск : МГЛУ, 2000. 305 с.
2. Поливанов Е. Д. Субъективный характер восприятий звуков языка // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 236–252.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 665 с.
4. Цветкова Т. К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 68–81.

Надежда Семеновна Евчик

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры речеведения и теории коммуникации,
УО «Минский государственный лингвистический университет»

N. S. Evchyk

Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
e.belrost@tut.by